

38	0208*	БУЛАТ ОКУДЖАВА	«Керамический конь»	Часть 1 «Ну потерпи»
39	0208-2*	БУЛАТ ОКУДЖАВА	«Керамический конь»	Часть 2 «В дороге»

«Керамический конь». Часть 2 «В дороге» (Коренблит – Окуджава)

1(20). Это помню	– 2.24
2(21). Мама	– 1.49
3(22). Оловянный солдатик	– 2.21
4(23). В те дни	– 2.16
5(24). Старый дом	– 4.01
6(25). Надежда была	– 1.32
7(26). Неужели?	– 2.06
8(27). Огонь надежды	– 1.56
9(28). Музыка Петербурга	– 2.28
10(29). Пожар	– 1.30
11(30). Граница	– 1.45
12(31). Моё поколение	– 1.21
13(32). Голубь во тьме	– 1.36
14(33). Час расплаты	– 1.13
15(34). Последний еврей	– 2.04
16(35). В дороге	– 1.38
17(36). Иерусалимский снег	– 1.41
18(37). Еврейский скрипач	– 2.07
19(38). Отчего ты печален?	– 1.59
20(39). Остаток жизни	– 2.53
21(40). Как время беспощадно	– 1.18
<i>Общее время звучания – 41.58</i>	
<i>Общее время звучания – 83.54</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

«Керамический конь». Часть 2 «В дороге»

1. ЭТО ПОМНЮ

Не успел на жизнь обидеться —
 вся и кончилась почти.
 Стало реже детство видеться,
 так, какие-то клочки.

И уже не спросишь, не с кого.
 Видно, каждому — свое.
 Были песни пионерские,
 было всякое вранье.

И по щучьему велению,
 по лесам и по морям
 шло народонаселение
 к магаданским лагерям.

И с фанерным чемоданчиком
 мама ехала моя
 удивленным неудачником

в те богатые края.

Забываются минувшие
золотые времена;
как монетки утонувшие,
не всплывут они со дна.

Память пылью позасыпало?
Постарел ли? Не пойму:
вправду ль нам такое выпало?
Для чего? И почему?

Почему нам жизнь намерила
вместо хлеба отрубей?..
Что Москва слезам не верила —
это помню. Хоть убей.

2. МАМА

Не клонись-ка ты, головушка,
от невзгод и от обид.
Мама, белая голубушка,
утро новое горит.

Все оно смывает начисто,
все разглаживает вновь...
Отступает одиночество,
возвращается любовь.

И сладки, как в полдень пасеки,
как из детства голоса,
твои руки, твои песенки,
твои вечные глаза.

3. ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Земля гудит под соловьями,
под майским нежится дождем,
а вот солдатик оловянный
на вечный подвиг осужден.

Его, наверно, грустный мастер
пустил по свету невзлюбя.
Спроси солдатика: «Ты счастлив?»
И он прицелится в тебя.

И в смене праздников и буден,
в нестройном шествии веков
смеются люди, плачут люди,
а он всё ждет своих врагов.

Он ждет упрямо и пристрастно,
когда накинется трубя...
Спроси его: «Тебе не страшно?»

И он прицелится в тебя.

Живет солдатик оловянный
предвестником больших разлук
и автоматик окаянный
боится выпустить из рук.

Живет защитник мой, невольно
сигнал к сраженью торопя.
Спроси его: «Тебе не больно?»
И он прицелится в тебя.

4. В ТЕ ДНИ

Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится.
Звенел за Сретенкой трамвай, светало на Мясницкой.
Еще пожар не отгудел, да я отвоевал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Живые бросились к живым, и было правдой это,
любили женщину одну — она звалась Победа.
Казалось всем, что всяк уже навек отгоревал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Он нашей собственностью был, и мы клялись Арбатом.
Еще не знали, кто кого объявит виноватым.
Как будто нас девятый вал отныне миновал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Какие слезы на асфальт из круглых глаз катились,
когда на улицах Москвы в обнимку мы сходились —
и тот, что пули избежал, и тот, что наповал, —
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

5. СТАРЫЙ ДОМ

Дом предназначен на слом. Извините,
если господствуют пыль в нем и мрак.
Вы в колокольчик уже не звоните.
Двери распахнуты. Можно и так.

Всё здесь в прошедшем, в минувшем и бывшем.
Ночь неспроста тишину созвала.
Серые мыши, печальные мыши
все до единой ушли со двора.

Где-то теперь собралось их кочевье?
Дом предназначен на слом. Но сквозь тьму,
полно таинственного значенья,
что-то еще шелестит по нему.

Мел осыпается. Ставенька стонет.
Двери надеются на визит.
И удивленно качается столик.

И фотокарточка чья-то висит.

И, припорошенный душною пылью,
 помня еще о величье своем;
 дом шевелит пожелтевшие крылья
 старых газет, поселившихся в нем.

Дом предназначен на слом. Значит, кроме
 не улыбнется ему ничего.
 Что ж мы с тобой позабыли в том доме?
 Или не все унесли из него?

Может быть, это ошибка? А если
 это ошибка? А если — она?..
 Ну-ка, гурьбой соберемся в подъезде,
 где, замирая, звенит тишина!

Ну-ка, взбежим по ступенькам знакомым!
 Ну-ка, для успокоенья души
 крикнем, как прежде: «Вы дома?.. Вы дома?!»
 Двери распахнуты. И ни души.

6. НАДЕЖДА БЫЛА

На Сретенке ночной надежды голос слышен.
 Он слаб и одинок, но сладок и возвышен.
 Уже который раз он разрывает тьму...
 И хочется верить ему.

Когда пройдет нужда за жизнь свою бояться,
 тогда мои друзья с прогулки возвратятся,
 и расцветет Москва от погребов до крыш...
 Тогда опустеет Париж.

А если все не так, а все как прежде будет,
 пусть Бог меня простит, пусть сын меня осудит,
 что зря я распахнул напрасные крыла...
 Что ж делать? Надежда была.

7. НЕУЖЕЛИ?

Я никогда не витал, не витал
 в облаках, в которых я не витал,
 и никогда не видал, не видал
 городов, которых я не видал.
 И никогда не лепил, не лепил
 кувшин, который я не лепил,
 и никогда не любил, не любил
 женщин, которых я не любил...

Так что же я смею? И что я могу?
 Неужто лишь то, чего не могу?
 И неужели я не добегу
 до дома, к которому я не бегу?

И неужели не полюблю
женщин, которых не полюблю?
И неужели не разрублю
узел, который не разрублю,
узел, который не развяжу,
в слове, которого я не скажу,
в песне, которую я не сложу,
в деле, которому не послужу...
в пуле, которую не заслужу?..

8. ОГОНЬ НАДЕЖДЫ

Надежда, белою рукою
сыграй мне что-нибудь такое,
чтоб краска схлынула с лица,
как будто кони от крыльца.

Сыграй мне что-нибудь такое,
чтоб ни печали, ни покоя,
ни нот, ни клавиш и ни рук...
О том, что я несчастен, врут.

Еще нам плакать и смеяться,
но не смиряться, не смиряться.
Еще не пройден тот подъем.
Еще друг друга мы найдем...

Все эти улицы — как сестры.
Твоя игра — их говор пестрый,
их каблуков полночный стук...
Я жаден до всего вокруг.

Ты так играешь, так играешь,
как будто медленно сгораешь.
Но что-то есть в твоём огне,
еще неведомое мне.

9. МУЗЫКА ПЕТЕРБУРГА

Пока еще звезды последние не отгорели,
вы встаньте, вы встаньте с постели, сойдите к дворам,
туда, где — дрова, где пестреют мазки акварели...
И звонкая скрипка Растрелли послышится вам.

Неправда, неправда, все — враки, что будто бы старят
старанья и годы! Едва вы очутитесь тут,
как в колокола купола золотые ударят,
колонны горластые трубы свои задерут.

Веселую полночь люби — да на утро надейся...
Когда ни грехов и ни горестей не отмолить,
качаясь, игла опрокинется с Адмиралтейства
и в сердце ударит, чтоб старую кровь отворить.

О, вовсе не ради парада, не ради награды,
а просто для нас, выходящих с зарей из ворот,
гремят барабаны гранита, кларнеты ограды
свистят менуэты... И улица Росси поет!

10. ПОЖАР

От нервов ли, от напряженья,
от жизни, что вся наугад,
мне слышится крови движенье,
как будто далекий набат.

Мне слышится пламени рокот.
Пожар полыхает земной.
И тут ни багры не помогут,
ни струи воды ледяной.

Сокрытый от праведных взоров,
разлит, словно море, в душе,
и бравая брань брандмайоров,
увы, бесполезна уже.

Он с каждой минутой все пуще,
все явственней он и слышней
над лесом, над лугом, над пущей,
над улицей жизни моей.

11. ГРАНИЦА

Немоты нахлебавшись без меры,
с городской отравой в крови,
опасаюсь фанатиков веры
и надежды, и поздней любви.

Как блистательны их карнавалы —
каждый крик, каждый взгляд, каждый жест...
Но зато как горьки и усталы
окончания пышных торжеств!

Я надеялся выйти на волю.
Как мы верили сказкам, скажи?
Но мою злополучную долю
утопили во зле и во лжи.

От тоски никуда не укрыться,
от природы ее грозовой.
Между мною и небом — граница.
На границе стоит часовой.

12. МОЁ ПОКОЛЕНЬЕ

Всего на одно лишь мгновенье
раскрылись две створки ворот,
и вышло мое поколение
в свой самый последний поход.

Да, вышло мое поколение,
усталые сдвоив ряды.
Непросто, наверно, движенье
в преддверии новой беды.

Да, это мое поколение,
и знамени скромн наряд,
но риск, и любовь, и терпенье
на наших погонах горят.

Гудят небеса грозовые,
сливаются слезы и смех.
Все – маршалы, все – рядовые,
и общая участь на всех.

13. ГОЛУБЬ ВО ТЬМЕ

Ребята, нас вновь обманули,
опять не туда завели.
Мы только всей грудью вздохнули,
да выдохнуть вновь не смогли.

Мы только всей грудью вздохнули
и по сердцу выбрали путь,
и спины едва разогнули,
да надо их снова согнуть.

Ребята, нас предали снова,
и дело как будто к зиме,
и правды короткое слово
летает, как голубь во тьме.

14. ЧАС РАСПЛАТЫ

Мы стоим — крестами руки —
безутешны и горды,
на окраине разлуки,
у околицы беды,
где, размеренный и липкий,
неподкупен ход часов,
и улыбки, как калитки,
запираем на засов.
Наступает час расплаты,
подступает к горлу срок...
Ненадежно мы распяты
на крестах своих дорог.

15. ПОСЛЕДНИЙ ЕВРЕЙ

Под крики толпы угрожающей,
хрипящей и стонущей вслед,
последний еврей уезжающий
погасит на станции свет.

Потоки проклятий и ругани
худою рукою стряхнет,
и медленно профиль испуганный
за темным стеклом проплывет.

Как будто из недр человечества
глядит на минувшее он...
И катится мимо отечества
последний зеленый вагон.

Весь мир, наши судьбы тасующий,
гудит среди лесов и морей...
Еврей, о России тоскующий,
на совести горькой моей.

16. В ДОРОГЕ

Под копытами снег голубой примят.
Еду в возке я по чужой стороне...
Так грустно, брат мой, грустно, мой брат!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

Там горит огонек у того леска.
Еду в возке я. Дуга на коне...
Все тоска окружает, тоска, тоска!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

Все чужие леса да чужая даль.
И мороз страшней, и душа в огне...
А печаль-то, мой брат, печаль, печаль!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

17. ИЕРУСАЛИМСКИЙ СНЕГ

В Иерусалиме первый снег.
Побелели улочки крутые.
Зонтики распахнуты у всех
красные и светло-голубые.

Наша жизнь разбита пополам,
да напрасно счет вести обидам.
Все сполна воздастся по делам
грустным и счастливым, и забытым.

И когда ударит главный час
и начнется наших душ поверка,
лишь бы только ни в одном из нас
прожитое нами не померкло.

Потому и сыплет первый снег.
В Иерусалиме небо близко.
Может быть, и короток наш век,
но его не вычеркнуть из списка.

18. ЕВРЕЙСКИЙ СКРИПАЧ

Над площадью базарною
вечерний дым разлит.
Мелодией азартною
весь город с толку сбит.

Еврей скрипит на скрипочке
о собственной судьбе,
а я тянусь на цыпочки
и плачу о себе.

Снует смычок по площади,
подкрадываясь к нам,
все музыканты прочие
укрылись по домам.

Все прочие мотивчики
не стоят ни гроша,
покуда здесь счастливики
толпятся чуть дыша.

Какое милосердие
являет каждый звук,
а каково усердие
лица, души и рук,

как плавно, по-хорошему
из тьмы исходит свет,
да вот беда, от прошлого
никак спасенья нет.

19. ОТЧЕГО ТЫ ПЕЧАЛЕН?

Отчего ты печален, художник –
живописец, поэт, музыкант?
На какую из бурь невозможных
ты растратил свой гордый талант?

На каком из отрезков дороги
растерял ты свои медяки?
Все надеялся выйти в пророки,
а тебя занесло в должники.

Словно эхо поры той прекрасной,
словно память надежды былой —
то на Сретенке профиль твой ясный,
то по Пятницкой шаг удалой.

Так плати из покуда звенящих,
пот и слезы стирая со щек,
за истертые в пальцах дрожащих
холст и краски, перо и смычок.

20. ОСТАТОК ЖИЗНИ

Стали чаще и чаще являться ко мне
с видом пасмурным и обреченным
одна дама на белом, на белом коне,
а другая на черном, на черном.

И у той, что на белом, такие глаза,
будто белому свету не рады,
будто жизни осталось на четверть часа,
а потом – всё утраты, утраты.

И у той, что на черном, такие глаза,
будто это – вместилище муки,
будто жизни осталось на четверть часа,
а потом – всё разлуки, разлуки.

Ах, когда б вы ко мне заглянули в глаза,
ах, когда б вы в мои поглядели, –
будто жизни осталось на четверть часа,
а потом — всё потери, потери.

21. КАК ВРЕМЯ БЕСПОЩАДНО

Как время беспощадно,
дела его и свет.
Ну я умру, ну ладно —
с меня и спросу нет.

А тот, что с нежным пухом
над верхнею губой,
с еще нетвердым духом,
разбуженный трубой, —

какой счастливой схваткой
разбужен он теперь,
подкованною пяткой
захлопывая дверь?

Под звуки духовые
не ведая о том,
как сладко все впервые,
как горько все потом...